Я уже двадцать минут стояла на импровизированной сцене нашей театральной аудитории. Вокруг меня находились одногруппницы. Они громко вздыхали, чесались и перекатывались с одной несчастной позы в другую. В центре же этой компании, в напряжении, возвышался мой педагог — он сверлил меня взглядом и нетерпеливо надувал щеки.

«На этот стул нужно залезать с интересом для себя! Для себя! Иначе другим будет неинтересно за тобой наблюдать!» — воскликнул он в отчаянии. Со всех сторон одобрительно забулькали одногруппницы.

«Я не понимаю, как можно залезть на стул с интересом для себя», — мои слова казались жалким оправданием.

Еще раз пристально взглянув на стул, я попыталась представить себе что-либо интересное. В голове грохотало, воображение повертело пальцем у виска и ушло спать. Наконец, почувствовав себя полнейшей неудачницей, я развернулась и вышла из прямоугольника сцены.

Жить стало абсолютно невыносимо. Весь окружающий мир звенел, как растрескавшаяся хрустальная ваза. Хотелось что-нибудь сломать или лечь и больше никогда не двигаться.

«Покажите вы, пожалуйста!» — пропел медовый голосок где-то в стороне от меня.

«Я не могу, не буду, вы сами должны...» — забубнил педагог, но тут же подключились остальные голоса, они сливались между собой, превращаясь в гудящий рой пчел. «Ну ладно, один раз», — не без удовольствия улыбнулся учитель и выпрыгнул на сцену.

«Я делаю это так... Я могу сделать это и по-другому, придумав что-то свое. Главное интерес, ИНТЕРЕС!» — грохотал он, выделывая кульбиты со стулом.

Я стояла в углу и мрачно наблюдала за происходящим. Мысли бились в истерике. За педагогом было реально интересно наблюдать.

Наконец импровизация закончилась.

«Примерно так». — сказал педагог и взглянул на меня.

«Ммм, угу», — ответила я. В душе послышался оглушительный треск, и мир рассыпался окончательно.

Следующие два дня я провела в окружении мрачных мыслей, слякотных идей и недовольных лиц прохожих. Жить стало окончательно невыносимо, этот стул стал материальным воплощением краха моей мечты и надежды. Нужно было что-то делать.

Я добыла пустую аудиторию. Все одногруппники давно ушли домой, и сторож оставил мне ключи.

«С интересом, значит... Пфф...» — буркнула я и решительно подошла к стулу в центре комнаты. Сиденье уперлось в мою коленку, и я еще более решительно нависла над этим черным пластиково-картонным созданием. Где-то на заднем плане тихо и медленно зашуршали трубы. Ничего не произошло.

Тогда я задумчиво поставила одну ногу на сиденье, потом вторую. Встав на сидушку, медленно оглянулась по сторонам. Мир, конечно, изменился, но назвать это «интересом» даже поэт бы не смог.

«Может, что-нибудь вспомнить?» — пролетело в моей голове. Чудесные, чудесные воспоминания... Внезапно я обнаружила себя сидящей на спинке стула в позе мыслителя.

«Что за безобразие!» — раздраженно подумала я и спрыгнула на пол.

Стул явно выигрывал — беспощадное, бесчувственное творение рук земных. Ужасный партнер для начинающего, потерявшегося создателя сценической правды.

Все мои попытки произвести хоть что-нибудь подпадающее под описание «интерес» были ничтожны, бесперспективны и мертвы.

«А-а-а-а-а-а!» — в отчаянии выдохнула я и повисла на шторе. Штора, кажется, была из того же ансамбля, что и стул. Она бездушно покачнулась и застыла.

В воздухе появилась тихая тяжесть безысходности.

Я вспомнила те кульбиты, что делал наш педагог. Особой, пламенной стрелой в памяти вспыхнул один из них — когда он в едином порыве прыгнул сначала на сиденье, потом на спинку, а потом и вниз. Стул упал. Педагог сделал вид, что упал. Все ахнули.

«Дай-ка я тоже так спрыгну, надо же что-то делать...» — подумала я и запрыгнула на сиденье, затем посмотрела на спинку, попробовала занести ногу и... поняла, что моя нога не поднимается. Я словно зачарованная уставилась на спинку стула и на пространство за ней — его там было очень-очень много. Меня парализовал ужас.

До этого я и не подозревала, как сильно боюсь высоты и падений. Со стороны казалось все легко и просто, высота смешная — даже метра нет. Но на стуле эта высота казалось бесконечной. Я внезапно ощутила, как хрупок стул, как он пошатывается, а вот тут еще и скрипнул. Эта спинка, если к ней прикоснуться пальцем, она и того гляди развалится на стружки... Я максимально аккуратно наклонилась и посмотрела вниз. Воображение тут же нарисовало падение, куда-то глубоко вниз, под стул, сквозь этажи и перекрытия. Все это обязательно будет сопровождаться открытыми переломами и фонтаном крови, а в помещении было невообразимо тихо, даже помочь некому.

Я спрыгнула обратно на пол и отошла на пару метров вбок. Вдохнув и выдохнув, снова посмотрела на стул.

«Стоит... Маленький, черненький, и расстояние-то смешное. Как тут вообще упасть можно, к тому же в прыжке, что за глупости!» — строго сказала я сама себе и подошла потрогать спинку. Положив стул на пол, прикинула возможную траекторию. «Нет, упасть на стул решительно невозможно!» Поставив стул назад, я снова залезла наверх и посмотрела вниз. Черная бездна пространства вновь открылась моему взору, и дыхание замерло. Это было словно колдовство. Наверху была абсолютно другая реальность. Мой страх полностью подчинял воображение и отрывался по полной. Сознание пыталось утихомирить чехарду от образов, вспышек всевозможных чувств и переживаний, но куда уж там... Жалкое, беспомощное лепетание рассудка слышалось лишь далеким эхом. Тело парализовало, уже не представлялось возможным не то что совершить прыжок, а даже занести ногу над этой тонкой, трескучей спинкой. Сделав волевое усилие, я оторвала ногу от сидушки, занеся ее над своей следующей предполагаемой опорой. Тело похолодело, комната исчезла из моего мировосприятия, и я уже почти физически ощутила падение в бездну. Выдохнув и медленно поставив ногу обратно, я быстро спрыгнула на пол.

Сердце колотилось. Отдышавшись, я с удивлением уставилась на стул. Упражнение приняло неожиданный поворот. Это был не просто какой-то там прыжок — это был вызов. Я твердо решила спрыгнуть. Спрыгнуть сегодня. Осталось только понять, как это сделать, ведь наверху тело меня слушаться не хотело.

Я хмыкнула и решила попробовать с малых высот. Для начала прыгнуть с сидушки. Вперед, назад, налево, направо. Чувство легкой опасности сначала пыталось меня преследовать, но потом затаилось и решило не вмешиваться. В ход пошли прыжки с разбега, пару раз я даже перепрыгнула через сидушку, опершись рукой на спинку. Все шло хорошо, все было довольно просто. Воодушевившись, я разбежалась и запрыгнула на сиденье, затем занесла ногу над спинкой, внезапно чудовищные щупальца страха снова впились в мое сознание, поглощая его, как гигантский Кракен. Оттолкнув стул, я отлетела назад.

Молча и медленно встав, не дыша, я снова посмотрела на стул. Он спокойно и лаконично стоял посреди аудитории.

Кисти рук стало покалывать, я ощутила исходящий от них холодок, который побежал наверх, неся с собой волны злости и раздражения.

Страх — не тот противник, с которым можно договориться. В голове быстро мелькнула маленькая догадка, медленно и неторопливо я подошла ко стулу, снова потрогала его поверхность, обошла вокруг, посмотрела на него с различных ракурсов и, стоя на полу, представила, как я на него запрыгиваю и прыгаю вниз. Знакомый ужас тут же вцепился клешнями в мои ноги. Я пошатнулась, мысли забегали, сердце застучало, я выдохнула.

Все было неправильно. Я все делала не так. Мне вспомнились ощущения из детства, игры. Как мы играли детьми, что чувствовали в эти моменты, какой реалистичной, правдивой реальностью казалась самая немыслимая выдумка.

Эти мысли были обжигающими, я с удивлением посмотрела на стул. Он стал каким-то другим.

«У совсем маленьких детей страхов нет», — всплыло где-то из глубин моей памяти. «Почему?» — тут же задала я вопрос самой себе. «Потому, что в их мире нет ужасного опыта и последствий», — крякнула логика.

Эта мысль была странной, необъяснимо большой и угловатой, но она явно была достойна внимания.

Я подошла к своему стулу, время шло, нужно было прыгать, не могла же я признать свое поражение.

«А что если я представлю себя ребенком, желающим прыгнуть со стула?» — хитро пролетело в моей голове.

Встав на сиденье, я занесла ногу над спинкой. Страх тут же зашевелился и начал прилипать к телу, но он был уже другим — сильным, но не поглощающим. Тут же вспыхнули огоньки любопытства, и я ощутила интерес, тот самый, ради которого я вообще все затеяла. Мне стало интересно, спрыгну я или нет. Я действительно не знала, такая вот белиберда.

Стул держал свои позиции, страх прилипал ко мне, как спрут, но закрутилась другая машина, и я вспомнила забаву из детства, когда мы залезали на деревья и, цепляясь за ветки, прыгали вниз. Тогда страха не было, зато было удовольствие — полсекунды свободного падения перед встречей с землей.

Я вдохнула это воспоминание, вспомнила ощущение падения, свист воздуха в ушах, любимое дерево: все это возникло передо мной, вокруг меня ,и я прыгнула, оттолкнувшись, полетела вниз.

Приземление было неприятным, я отбила себе обе пятки, и грохот моего топота подозрительно напомнил топот бегемота. Но столь странный опыт абсолютно сбил меня с толку. То, что раньше казалось невероятно ужасающим и невозможным, оказалось очень простым.

Развернувшись, я с разбегу прыгнула сначала на сиденье стула, а затем, оттолкнувшись от спинки, — на пол. Второй раз, без подготовки. Прямо как мой преподаватель, хотя... не так элегантно, конечно, — над этим еще было работать и работать!